

Приложение к бюллетеню "ГРАЖДАНСКОЕ ДОСТОИНСТВО"

/Материалы к обсуждению /

" А М Н И С Т И Я   Х О З Я И С Т В Е Н Н И К О В   -

К А К   У С Л О В И Е

О Б Щ Е С Т В Е Н Н О Г О   С П А С Е Н И Я "

/// "НОВЫЙ "ЗЭС" ///

---

Архив Сокирко

1 9 8 9

СО Д Е Р Ж А Н И Е

Стр.

Введение. . . . .	2
Обращение к законодательной комиссии Верховного Совета СССР "О необходимости широкой амнистии и реабилитации неправомерно осужденных хозяйственников и о пересмотре Уголовного кодекса в части "корыстных" преступлений. . . . .	3
Первое обсуждение на семинаре движения "Гражданское достоинство и "КОММЕНТАРИЙ" В.Ф. АБРАМКИНА . . . . .	5
Извлечения из статьи А.Власова "На страже правопорядка" и "Комментарий" В. Сокирко . . . . .	7
Абрамкин, В. Сокирко "МОЖНО ЛИ ОСВОБОЖДАТЬ, НЕ ОСВОБОЖДАЯ?" - 8	
Извлечения из статьи А. Бунича "Черные дыры экономики". . . . . и "Комментарий" В. С. . . . .	II 12
Извлечения из старого прогноза В. С. "Экономика 1990 года, что нас ждет и есть ли выход?" /опубликован в "Свободном московском журнале "ПОИСКИ", №8, 1979 г./ . . . . .	13
В. С. "Выход: через ввод карточек и заолотых денег - - к росту конкуренции" /альтернатива нараста- нию экономического хаоса/. . . . .	15
Выступление В. С. на "Московской трибуне" - "О различиях новых кооператоров". . . . .	20

Этот преддискуссионный сборник предлагается всем согражданам для трезвого обдумывания и активного отклика по чрезвычайно важной, насущной, хотя и малопопулярной теме:

МОЖНО ЛИ ОСВОБОДИТЬ ОБЩЕСТВО, НЕ ОСВОБОЖДАЯ ЛЮДЕЙ?

Можно ли осуществить экономическую реформу, не прекращая уголовные преследования инициативных деловых людей?

Прошедшие 4 года экономической перестройки показали, что у ее творцов, да и у общества в целом, нет ясно поставленной цели и последовательной политики ее достижения. И потому страна продолжает погружаться в экономический хаос.

~~Инициативы~~ Скоро соберется впервые по-настоящему избранный /при всех недостатках/ законодательный орган страны. Надо надеяться, что ~~и~~ его депутаты смогут добиться решительного поворота к твердому законному порядку, ограничению произвола и защите человеческих прав

Но для этого депутаты должны быть вооружены ясным пониманием происходящего в стране и <sup>процесса</sup> коренного изменения всего стиля и хода нынешней экономической перестройки.

В нашем обществе очень много накопившихся и самых насущных проблем. Их все надо неотложно решать. Но как?— Требуя увеличения очередных государственных капиталовложений и дотаций? —И тем еще глубже загоняя себя в инфляцию и плано-административный развал?

— Или подобно действительно свободным людям ( ? ) начать прежде всего с законодательного обеспечения свободной и эффективной работы всех граждан и коллективов, которая только ~~инициативными~~ единственно и может создать материальную твердую базу для создания цивилизованных условий существования?

Нам кажется, что начинать надо ~~( )~~ прежде всего с защиты экономических прав и достоинства инициативных хозяйственников, всех советских людей.

Предлагая свое понимание, мы, естественно, не претендуем на истину в последней инстанции и надеемся только на развертывание широкой дискуссии.

Мы призываем все общественные группы и движения активно поддерживать обсуждение этой темы и внести свой вклад в выработку ОБЩЕСТВЕННОГО НАКАЗА по ней народным депутатам.

О Б Р А Ш Е Н И Е "

Законодательной комиссии  
Верховного Совета СССР

О необходимости широкой амнистии и реабилитации  
неправедно осужденных хозяйственников и пересмотра  
Уголовного кодекса в части "корыстных преступлений".

Мы убеждены: успешная экономическая реформа и перестройка общества невозможны без ликвидации в стране страха, без освобождения конкретных людей. Произносятся множество правильных слов о замене командной системы социалистическим рынком, о хозяйственной самостоятельности, предприимчивости, аренде, кооперации, власти имущие и решающие, к сожалению, склонны забывать, что уголовные наказания за рыночную деятельность и инициативу еще никто не отменял, что за так называемые "хозяйственные преступления" в заключении сидит множество людей. Для них, их родственников и знакомых, т.е. для всего народа на деле, все призывы к хозяйственной самостоятельности оборачиваются кощунством и насмешкой.

Загляните в УК РСФСР:

- ст. 88 "Нарушения правил о валютных операциях" - какает обращение к настоящим деньгам по максимуму - до смертной казни с конфискацией имущества,
- ст. 152-I "Приписки и другие искажения отчетности о выполнении планов" угрожает лишением свободы до трех лет за любое несанкционированное изменение планов хозяйственной деятельности,
- ст. 153 "Частнопредпринимательская деятельность и коммерческое посредничество" /до 5 лет лишения свободы с конфискацией имущества/ -впрямую запрещает свободную эконом. деятельность, инициативу.
- ст. 154 "Спекуляция" /лишение свободы до 7 лет с конфискацией имущества/ -запрещает свободную торговлю, обычные рыночные отношения
- ст. 154-I "Скармливание скоту хлеба..." /лишение свободы до 3-х лет с конфискацией скота/ -запрещает приусадебное выкармливание скота
- ст. 162 "Занятие запрещенным промыслом" - страхом лишения свободы до 5 лет с конфискацией имущества охраняет госмонополии, зачастую совершенно противоречащие народному согласию.

Не гарантируем, что привели полный список статей УК, которые заслуживают скорейшей отмены или коренного изменения, с целью приведения их к цивилизованным правовым нормам. Осужденные по этим статьям люди должны быть освобождены от наказания и реабилитированы.

Вместе с тем мы призываем вас озаботиться судьбой еще более многочисленной категории неверно осужденных по так называемым "корыстным" /а не хозяйственным/ преступлениям, а именно по ст. 89+93-I "О хищении государственного или общественного имущества" и ст. 173+174-I "Получение, посредничество и дача взятки".

Без сомнения, хищения казенного имущества и взятки чиновникам во всех странах и во все времена осуждались и карались законом. И, конечно, также будет и впредь. Однако, сегодня мы не имеем права забывать, что в условиях командно-административной экономики, преступно запрещавшей хозяйственную самостоятельность людей и коллективов, их обменные отношения, последние по необходимости осуществлялись в виде так называемых "хищений и взяток", лишь формально попадавших под понятия "преступного деяния". В условиях ныне осужденной планово-командной системы уголовные наказания за хищения государственного имущества и взятки -зачастую служили средством подавления общественно полезной хозяйственной инициативы, да и самой жизни. Понятно, - что за кражу хлебных колосков для голодных детей карать нужно было не колхозницу - "воровку", а организаторов бесчеловечной коллективизации,

- что в бесчисленных мелких хищениях с производства винить надо не только и не столько миллионы "несунов", сколько систему тотального

огосударствления экономической жизни, нескончаемых дефицитов в торговле и безобразного расточительства в производстве,  
— что в неразрешенных начальством продажах-передачах имущества госпредприятий /которые часто расцениваются, как "хищения"/ нет ничего вредного, скорее, общая польза,  
— что "подарки-взятки" неизбежно присущи нашей нерациональной системе фондируемого распределения продукции /взамен ценового балансирования спроса и предложения на рынке/ и потому виноваты в них прежде всего создатели и защитники этой нелепой системы — и т.д. и т.п.

Преследование и содержание в заключении таких людей крайне несправедливо. Однако, понимая, что среди них могут быть и справедливо осужденные за действительные хищения-взятки из личной корысти и во вред обществу, мы предлагаем провести наряду с широкой амнистией и массовый пересмотр дел такого рода ради освобождения хозяйственников, пострадавших на деле, <sup>за последние</sup> правый ныне осужденной командной экономики.

Дополнительным основанием для такого широкого пересмотра дел хозяйственников и их освобождения может стать ст. 26 ныне обсуждаемых "Основ законодательства СССР..." о "профессиональном и хозяйственном риске". Поддерживаем принятие этой статьи, как важной гарантии против огульного использования УК против инициативных хозяйственников, и надеемся, что эта статья будет играть положительную сдерживающую роль и способствовать более широкой замене уголовных репрессий в хозяйственной сфере — мерами экономического воздействия на нарушителей Кодекса — увольнением, штрафом, банкротством.

Также нам кажется необходимым, чтобы по желанию обвиняемых хозяйственников, их дела рассматривались "судами приятных", где решение о виновности выносит не формальный закон, а живое чувство справедливости народных представителей.

Наконец, мы считаем необходимым смягчить уголовные наказания за все экономические преступления, исключив смерть и длительные сроки заключения — в пользу наказаний экономического свойства — /штрафы и конфискации имущества/. При этом закон должен по-разному оценивать преступления государственных чиновников, обманувших общественное доверие — и хозяйственников, смешивающих личный интерес с государственным.

Напротив, принцип равноценности личной, коллективной и государственной собственности определяет, что сверхжестокие наказания за хищения социалистической собственности в настоящем УК следует снизить до ~~орядка~~ размеров наказаний за преступления против личной собственности.

Мы надеемся, что с помощью принятия и реального осуществления предлагаемых нами мер, машина репрессий против свободы хозяйственной инициативы будет в значительной мере демонтирована, что и определит успех не только экономической реформы, но и всей перестройки.

21.02.1989 г.

В.Ф. Абрамкин  
В.В. Сокирко

Подписи:

## Первое обсуждение

26 марта 1989г. на семинаре движения "Гражданское достоинство" было начато обсуждение Обращения за амнистию хозяйственникам.

После чтения текста Обращения В.Ш.Севирко с комментариями, выступили В.Золотарев, А.Верховский и другие. С развернутым обоснованием выступил В.Абрамкин.

Было принято решение о публикации Обращения в Бюллетене движения "ГД" и развертывании обсуждения.

## "КОММЕНТАРИЙ" В.Ф. АБРАМКИНА

Надо трезво смотреть на вещи: для нашей/российской/ культуры дух предпринимательства есть ценность отрицательная, что вызывает не уважение к "торгашеству", праведный гнев газет и народа, а с другой стороны — своеобразный комплекс моральной неполноценности у самих "торгашей" и, как следствие — неискоренимое хамство и профессиональная нечестность. Я сомневаюсь, что в решении этой проблемы поможет западный опыт, ведь там уважение к бизнесу едва ли не в крови. А у нас... люди, бывавшие на Западе, знают, как отвратительно на тамошнем фоне выглядит русский бизнес /особенно в первом поколении эмигрантов/. Скорее, здесь помог бы опыт русского купечества, худо-бедно, но оно с комплексом неполноценности справлялось. Но ведь — вырезали/ликвидировали в угаре борьбы — с буржуями, напманами-кулаками, теперь — с нетрудовыми доходами торгашей. Нет, чисто экономическими способами эту проблему не решишь, необходима культурная коррекция, глубинное переосмысление архетипов своего социального поведения и изменение их

Уже более 60 лет, как с наступлением на напманов и крестьянскую самостоятельность, изживается дух предпринимательства жесточайшими уголовными карами, а в ответ возникал и становился непреодолимым дух потребительства и — "воровства". Но, как ни странно, хрущевская "оттепель" и брежневский "застой" стали не временем подъема предприимчивости и самостоятельности, а напротив — еще большего их упадка. Сталинское государство, хотя и занималось предельной эксплуатацией народа ради военных и престижных задач, но не бралось за обеспечение материального обеспечения основной массы народа — крестьян и пригородных рабочих. Их питание шло за счет главного образом своего приусадебного участка, домашнего хозяйства, добыча денег для налогов — с колхозного рынка, бытовое обслуживание — с кустарей и т.д. и т.п. Все эти сферы самостоятельного народного труда были фактически ошельмованы и подорваны, как прямыми запретами при Хрущеве, так вкладыванием госуд. дотаций в деревню — при Брежневей. И все начавшиеся с конца 70-х годов попытки переломить эту тенденцию успеха не имеют: дух государственного иждивенчества торжествует, плохо работающие или неработающие живут за счет тех средств, которые государство изымает у хорошо работающих.

Но провозгласив себя всеобщим кормильцем и снабженцем, государство конечно, не может выполнить этой тонкой роли, которая под силу только рынку. И потому в обход государственного давления и верховных причуд "развитого социализма" появляются и бурно развиваются "теневые структуры", "подпольный рынок". Если рынок, как и природу, гнать в окно, он появится в дверь, но уже в подпольном виде. Конечно, жизнь он делает возможной, но тем самым она сама приобретает криминальный характер. Каждый из нас в той или иной степени сам включен в систему этих структур или, по крайней мере, сталкивается с ними в жизни. Мы достаем вещи, которых не купить в магазинах, устраиваем заболевшего родственника в больницу, а не в ту, что предложат, больницу, при решении своего вопроса в учреждении понимаем, что к функционеру лучше обращаться не

как к должностному лицу, а как к человеку, пользуемся услугами "своих людей", знаем о "телефонном праве" и т.п. ... Но вот сами обозначения этих явлений связаны не с их сущностью, а с общепринятой отрицательной оценкой: черный рынок, теневая экономика / медицина, культура, ... /, подпольный бизнес, бюрократический аппарат... В общем: негативные явления. Конечно, у отрицательности этой есть свои основания. Структуры, о которых идет речь, в самом деле ненормальны, а порой патологичны, криминальны. Не буду сейчас говорить о причинах такой ненормальности, отмечу только — они не так просты, как кажется авторам расхожих обличительных статей. Но попробуем за болезненностью увидеть и здоровые элементы. Ведь именно эти структуры делали нашу жизнь возможной в невозможных условиях, в какой-то мере проявляли естественные для конкретной локальной общности формы жизни, реализовали потенциал культуры разных этнических групп, обнаруживали способность регенерации жизненной ткани из уцелевших от разрушения "лоскутков".

Мне приходилось сталкиваться с людьми, осужденными за "хозяйственные" и "должностные" преступления. Энергичные, инициативные, предприимчивые люди. Не могу сказать, чтоб для большинства из них общественный результат был важнее личного /денеги, карьера, положение/, для них вообще не столько ценен результат, сколько процесс, возможность реализации своей инициативности и деловитости. Но для такой реализации цивилизация не хватало "законных оснований".

Не хватает их и сейчас. Создается впечатление, что творцы "перестройки" не знают реальной жизни, реальных структур, которые обеспечивают нашу жизнь — и не жалеют знать. Те же проекты, которые они пытаются внедрить согласно собственным мифологическим представлениям /прогрессивных, демократических, благих.../ и чужого опыта, только разрушают стабильность народной жизни, вредят ей. И не случайно перестройка началась с удара по хозяйственной инициативе людей под флагом закона "о нетрудовых доходах", чтобы потом, после провала качнуться в сторону "закона о кооперации", принятие которого стимулировало не столько трудовую промышленную кооперацию, сколько спекуляцию государственных монополий и безудержную инфляцию. И все это — вместе с признаниями уже существующих свободных экономических и иных человеческих отношений, освобождения их здоровой части и приглашения к свободному развитию...

... Прежде всего надо реабилитировать жизнь, легализовать и те структуры, которые достались нам в наследство от прошлого, и новые, стихийно возникшие в последние годы. Это необходимо для того, чтобы прогнозировать развитие событий... Любой проект, какие бы он нам "хлеб из камней" не сулил, не только не должен проводиться в жизнь, он не заслуживает даже обсуждения, если не содержит в себе такого прогноза, концепции перехода к нормальным, естественным формам жизни. Я думаю, рассмотрение с такой точки зрения многих проектов уже запущенных в жизнь или вынесенных на "всенародное обсуждение" покажет их полную несостоятельность...

Скажу и еще об одном. Долгие годы из нашей жизни искоренялся дух инициативности и предприимчивости. Сейчас, хотя бы в общественно сознании, произошла некоторая переоценка этих вещей, например, реабилитация "кулака". Но не придется ли нам еще пятьдесят лет ждать "реабилитации" "своих" кулаков — хозяйственников 70-80-х годов?

О размерах и обоснованности репрессий против них говорить трудно, нет достоверной статистики. Могу сослаться только на свой личный опыт пребывания в "местах не столь отдаленных". Примерно десятая часть заключенных — люди, осужденные за "хозяйственные", "должностные" и другие "экономические" преступления. Это, как правило, энергичные, инициативные, предприимчивые люди. Их возвращение к жизни, которая, как утверждают, будет построена на других "законных основаниях"? Я понимаю, что это сложный вопрос, даже больной вопрос в условиях разжигания ненависти к тем, кто "обогащался за счет народа". Возможно, кого-то из них можно просто реабилитировать с учетом того, что в нынешних условиях их деятельность не считалась бы преступной. Кого-то можно помиловать или амнистировать и реально вернуть в жизнь без обычных для нас ограничений и оговорок.

Извлечения из статьи А. Власова "На страже правопорядка" /жнп  
/журнал "Коммунист" № 1, 1988 /

~~Удельный вес корыстных преступлений~~

"Удельный вес корыстных преступлений растет: 1967-37%, 1977г.-42%,  
1987г.-44,5%"

"Число выявленных преступных посягательств в области экономики за последние 20 лет увеличилось на 39%... Недостачей и порчей товарно-материальных ценностей народному хозяйству принимается ущерб в миллиарды рублей. Это во многом стимулирует преступность в экономике мешает ее преодолению... Органы МВД совместно с прокуратурой и народным контролем усилили борьбу с хищениями, взяточниками, спекуляцией. В 1987г. выявлено 97 тыс. хищений, 7,8 тыс. случаев взяточничества, 43 тыс. фактов спекуляции. Изъято у расхитителей ценностей на полмиллиарда рублей, но ущерб от хищений, недостач и безхозяйственности пока не сокращается..."

Работа органов МВД в сфере защиты экономики от преступных поползновений носит еще характер, образно говоря, периодической прополки, а не искоренения хищений. Многие группы орудуют до 2 и более лет... Жесткость уголовных репрессий в сущности бьёт мимо цели, на смену одному расхитителю приходит другой...

... В 1986-87 гг. задержаны 1,6 миллиона воров-несунов,.. Массовый характер приняло растаскивание продукции в разных городах... На Владимирском мясокомбинате, где работает 600 человек, в 1986г. задержано 500 несунов, каждый 6-й - повторно... Экономические преступления связаны с общим положением в нашей экономике, когда труженики в сущности отчуждены от госуд. и кооперативной собственности, утратили положение заинтересованного хозяина. Борьба с мелкими хищениями не учитывает их массового характера...

..Кооперативная деятельность пока развивается слабо, между тем в теневой экономике, в сфере услуг продолжают работать миллионы лиц, которые не торопятся легализовать свой труд. В 1987г. привлечено к административной ответственности за нарушения по ИТД/индивидуальнотрудовой деятельности/ - 38 тыс. человек, за запрещенный промысел - 18 тыс. и 10 тыс. человек - за уклонение от подачи декларации о доходах. К уголовной ответственности привлечено 800 человек"

Комментарий В. Сокирко: Если взять за основу выше приведенную бывшим министром МВД СССР цифру - около

-В 1987г. выявлено около 150 тысяч крупных экономических преступлений: хищений, взяток, спекуляции, то можно понять, что за решеткой и сегодня сидят не сотни и тысячи, а сотни тысяч активных хозяйственников, чего нет ни в одной экономически развитой стране.

Сроки по этим статьям дают суровые. Если принять за средний срок - 5 лет, то мы получим, что в заключении или, по крайней мере, вне сферы деятельности иной деятельности находится 750 тысяч активных людей. Громадный потенциал.

Статья бывшего министра интересна признанием безнадежности борьбы с мелкими хищениями, потому что их миллионы, они поистине - всенародны, осознанием того, что борьба с ними приводит только к тому, что из подполья не торопятся выходить миллионы лиц "теневой экономики"

Но то, что понял А. Власов, должно увидеть все общество .



МОЖНО ЛИ ОСВОБОДИТЬ, НЕ ОСВОБОЖДАЯ?

Последним толчком для этой статьи послужила реклама почтенной иностранной фирмы по Всесоюзному радио в январе этого года: "Готовы купить практически любые советские отходы, предоставляя в обмен любую мировую валюту, любые товары-оборудование в любую точку СССР". Удержимся от извечного нашего хвастовства: "Ну и дураки же: за отходы -любые товары!" Исторический опыт давно должен был научить, что в дураках европейцы обычно не остаются.

Разгадку европейской заинтересованности в наших отходах легко понять по собственной прессе. Например, по напечатанному недавно в "Известиях" от 11.08.1988г. репортажу "Богаче ювелирных магазинов" - о многочисленных свалках у московских предприятий и институтов. Оказывается, они переполнены не только веществами, но и ценными цветными, редкими и даже драгоценными металлами. Найти и извлечь серебро было легко доступно даже корреспонденту - уже не говоря про мощную иностранную, живо смекнувшую, что в СССР самое ценное -даже не природное сырье, а богатейшие отходы и безобразные свалки, наверное, самые безхозяйственные и потому самые богатые в мире...

Но почему мы сами не извлекаем из собственных свалок полезнее и даже драгоценное сырье, попутно очищая собственные городские улицы и предместья? С этим вопросом дошла корреспондентка обратилась, пожалуй, к главному специалисту в Союзе - к замминистра цветной металлургии СССР, начальнику Главного управления по заготовке и переработке лома и отходов цветных металлов В. Добанову.

Ответ его был откровенно беспомощен: негодование на "вопиющую безхозяйственность выкидывающих лом на свалки" и признание своей неспособности подобрать валяющееся добро силами своей мощной организации -ссылаясь на неправильные нормативы, неэффективность действующей системы планирования и стимулирования и т.д. и т.п. Ничуть не стесняясь, он признал, что страна ежегодно безвозвратно теряет сто тысяч только цветного металла - колоссальные, миллионные потери.

Не знаю, какая страна и в какое время могла бы терпеть подобное расточительство-загрязнение столь безмятежного управляющего. Впрочем, в духе времени Главный начальник переработки цветного лома СССР заметил: "Ищем пути, надеемся на создание кооперативов".

Однако, судя по вышеупомянутой радиорекламе, Главный начальник взамен отечественных кооперативов скорее сговорится с иностранной корпорацией, коей и запродаст право на переработку советских свалок. К тому идет.

Однако не будем бесплодно негодовать на непатриотизм Главного начальника. У него, наверняка, есть железобетонные резоны, по которым он не может дать возможность своим подчиненным или хотя бы советским кооператорам обогащаться так же, как иностранной фирме: это все те же неотмененные нормативы и запреты-законы.

Об абсурдности последних свидетельствует заметка "Серебро серебром" в газете "Правда" от 25.03.1988. Некий украинский слесарь кропотливо откусывал кусачками крупинки серебряных контактов с телефонных проводов на свалке и добровольно-безвозмездно сдал в госуд. банк 4 с лишним кг серебра. В награду за упорный труд по спасению от гибели народного серебра этот герой бескорыстия просил только одного: поставить его на близкую очередь в покупке легковой машины. Ему это обещали - и обманули, на что и вознегодовала газета.

Нас же интересует иное: почему слесарь за свой труд не потребовал себе стоимости спасенного серебра, пусть и за вычетом соответствующего налога?

Ответ ясен: таковы действующие инструкции и даже законы. Вернее ст. 88 УК РСФСР, по которой "нарушение правил о валютных операциях" наказывается лишением свободы до 8 лет с конфискацией имущества", а если в крупных размерах или повторно - и смертной казнью. Причем под валютными ценностями понимаются и серебро с золотом, а под валютными операциями -любые передачи и дарения кому бы то ни было без особого разрешения Минфина СССР... Думаю, понятно, почему никто не решается на добычу драгметаллов с советских свалок при столь свирепом законе. А если и решается, то как украинский слесарь, исключительно бескорыстно, но таких, конечно, как в сказке -очень мало. И потому надеяться можно лишь на иностранных дядей.

Но может, мы преувеличиваем и людоедский закон сегодня не действует? - Как бы не так! В том же месяце, 5.03.1988 та же газета "Правда" в статье "Золото на свалке" сообщила, что на длительные сроки заключения/до 9 лет/ осуждены рабочие комбината "Североникель" - В. Сергеев, В. Мамутов, С. Воблый и ремесленники В. Самиков и А. Панкратов - за "несанкционированную добычу золота из заводской свалки и изготовление изделий из него", что было квалифицировано судом, как хищение государственного имущества в особо крупных размерах /ст. 93-1 УК РСФСР/ и, конечно же, как нарушение правил валютных операций

Однако, какое же тут было хищение?

Когда прабитель взламывает ювелирный магазин, наказание ему понятно. Когда карают человека, нашедшего, но не сдавшего золотой клад в госбанк в надежде на вознаграждение в размере четверти найденного - это тоже можно понять: он скрыл от обложения свой случайный доход. Но на что покусились рабочие "Североникеля"? Ведь ни тайны клада, ни охраны "социалист. собственности" здесь не было. Спец. инструкции государство, оказываясь, утвердило: дом с содержанием драг-металлов менее 50г - не охранять. Он - и не охранялся, предназначенный на "Североникеле" для переплава, а содержащиеся в нем драг. металлы - на распыление, уничтожение /в масштабах страны это, наверно тонны золота. Но вот находятся рабочие, которые, может, и не догадывались, чем обернется их инициатива, изобрели способ спасения отги гибели пропадающего золота и начали возвращать его людям - зубными протезами, кольцами... Конечно, за деньги - но ведь всем от этого было только хорошо. Однако конец этого "хорошего дела" известен: милиция ловит потребителей аж на Украине, расследует цепь торговых сделок и уже не в застойные времена, а в 1987 году хватает, арестовывает как раз то самый естественной возникший кооператив переработчиков вторсырья, о котором якобы мечтает главный начальник В. Лобанов.

Основной изобретатель с "Североникеля" рабочий Сергеев получил 9 лет и выйдет из заключения, видимо, в 1996 году. Срок судимости и административного надзора наверняка продлят его наказание уже на третье тысячелетие. Не нужно спрашивать, как будут все эти годы относиться к любым ширококвещательным предложениям и призывам сверху о перестройке каждого, о смелости и хозяйственной инициативе - родственники и друзья заключенных, да и все, кто слышал о них или читал в газете, "Лицемерие и фальшь!" - вот что они будут думать. И будут правы, ибо призывать к переработке отходов и одновременно лишать свободы тех, кто этим занялся на пользу обществу и себе - это ли не чудовищное лицемерие?

К сожалению, вышеописанный пример - не исключение, а иллюстрация одной из главных, на наш взгляд, причин безуспешности экономической перестройки общества: в новых законах провозглашаются новые экономические отношения, но в то же время старые запреты и уголовные наказания не отменяются, а продолжают действовать и наводить страх, может с еще большей силой. Как нам кажется, в этом коренном противоречии проявляется характер нашей перестройки, как реформы, проводимой по инициативе сверху и потому доктринерски, неестественно, против реальной жизни.

Да, давно чаемая шипши людьми в эпоху Сталина, вымечтанная придуманной в застои интеллигенцией, освободительная по идее перестройка осуществляется ныне волей единоправящего руководства и его советниками. Однако шипши как освободить несвободного? Это ж только в притче советуют: неумеющего плавать - брось в воду. А на деле справедливо боятся: вдруг утонет. И потому, конечно освобождение должно проходить постепенно, естественно, по мере обучения людей свободной экономической деятельности и жизни - и без отмены самой власти, без слома государственной машины, эволюционно. Ибо хоть одному научил страну жестокий XX век: хватит кровавых революций и гражданских войн!

Да, конечно, "народ переводить на хозрасчет" надо постепенно, но как именно? Внимательно следить за всем разнообразием народной самостоятельной жизни и пестовать в нем естественно пробивающиеся ростки, зачатки свободных производственных и иных человеческих отношений? Убирая отжившие запреты-подпорки?

Или, наоборот: исходя из собственных представлений о "должном на-

народе", вводить для него один "декрет о свободе" за другим, даже не позаботившись предварительно о снятии мешающих запретов и строгих? Т.е. фактически командовать народу: "С завтрашнего дня будь свободным индивидуалом! кооператором!, "арендатором! и т.д. и т.п. Кажется понятно, почему второй путь не приведет к подлинному освобождению, не понятно, почему общество не настаивает на изменении самого стиля проведения перестройки? Не в надуманных новых законах она должна заключаться, а в постепенной реабилитации самой жизни, в освобождении уже имеющихся в ней свободных структур путем отмены уголовных кар и запретительных инструкций.

Ни в одной стране не сочинялось столько законов, в том числе и хороших, как в России. А следствием такого "богатства законов" были их бездействие, реальное бесправие и произвол. Так что настоящее освобождение наступит не изданием нового "хорошего" закона, а лишь исключением из жизни старых, реально действовавших запретов и репрессий. Или говоря еще конкретнее — путем отмены тех статей Уголовного кодекса, по которым сажали за проволоку инициативных хозяйственников и которыми и держалась покорность деловых людей перед командно-административной системой.

К сожалению, до сих пор не только руководство, но и общество в лице печати и даже неформальных движений не прониклись пониманием первоочередности инициативной амнистии пленные сидящих хозяйственников и выработки таких условий, чтобы никто не мог их больше карать за непокорность и полезную для общества инициативу. Немалую роль до сих пор играет традиционное, укрепившееся в застойное время сугубо отрицательное отношение общества к "черному" рынку, "теневого" экономике". Конечно, черный рынок — это порождение и необходимое дополнение планово-командной экономики, и в этом смысле — зло. В правовом свободном обществе, конечно, тоже возможен черный рынок — например, наркотиков или рабов — и преследуется при одобрении всего общества. Но в экономике, где всякий рынок был фактически под запретом, "черный рынок" играл спасительную для жизни компенсирующую роль, был реальной сферой экономической жизни, — и забывать об этом сегодня — значит, закрывать глаза на реальные пути освобождения. И потому сегодня нужно внимательно разбираться с обвинениями в адрес деятелей черного рынка, строго отделяя их реальную вину перед обществом и реальную на много порядков большую долю вины нашей госмонополярной системы.

Мы всегда знали /а сейчас даже публикуют/ старые сентенции, что у нас "всякая инициатива наказуема", что нет директора, которого нельзя было бы посадить в любой момент за многие "нарушения" и даже "преступления" или что "невозможно быть честным в торговле" и т.п. Но почему-то не задумываемся со стыдом, что такая бесчеловечная система запретов на обычные хозяйственные отношения, которыми мы сами пользуемся и живем, — существует — действует и сегодня. И лишает свободы — достоинства множество наших сограждан.

Чтобы убедиться в абсурдности множества хозяйственных запретов достаточно открыть наш Уголовный кодекс на любой странице главы "Хозяйственные преступления". Конечно, в нем есть и несправедливые статьи, хотя и чрезмерно жестокие, например, за хищения соц. собственности и взятки, которые часто обращаются против инициативных хозяйственников, когда взятками и хищениями называют просто неразрешенные торговые отношения между предприятиями и людьми. И таким каннибализмом переполнен наш Уголовный кодекс, по которому — то реально и живет страна, так что трудно сразу назвать, что и как надо в нем менять. Но обсуждать и менять его надо срочно. И начинать с самого неотложного: с освобождения, амнистии всех искалеченных командной экономикой и репрессивной машиной хозяйственников, с возвращения их к нормальной деятельности, с прекращения войны против своих деловых людей, важнейшей части собственного народа. Не преступниками и заключенными они должны быть, а уважаемыми и почетными гражданами, как почетны в развитых странах преуспевающие бизнесмены и коммерсанты. Хватит нам детской ненависти к "буржуйам".

17.02.1989 г.

З. Абрамкин

В. Сакирко

Извлечения из статьи А. БУНИЧА "ЧЕРНЫЕ ДЫРЫ ЭКОНОМИКИ"

/Московские новости/ от 26.03.1989/

- "Государственный сектор - промышленность, транспорт, строительство, агропром - и есть ~~плановый~~ одновременно главный сектор теневой экономики. Его механизмы: приписки, особо крупные хищения плюс деятельность подпольных цехов, использующих государственную собственность, сырье и т.д..."

- "С учетом того, что нам уже известно сегодня, следует с большим доверием отнестись к цифрам, приводимым западными советологами: их оценки ежегодного оборота советской теневой экономики колеблются от 100 до 150 млрд. р.... Если сопоставить их с размером нашего национального дохода за прошлый год - 625 млрд. руб., то итог будет таков: объем теневой экономики достигает 17-25% национального дохода"

- "Преступные группы обычно формируются из собственно хозяйственных преступников и коррумпированных представителей аппарата. Например, тандем Адылов-Рашидов в Узбекистане..."

- "Если скажем, итальянская мафия вкладывает свои деньги в подпольный бизнес, то наша пропивает в ресторанах, а еще больше прячет в тайниках, в прямом смысле закапывает в землю... Справедливо сказать, что ресурсы, попавшие в оборот теневое сектора, как бы исчезают в "черных дырах" нашей экономики. Преобладающая их часть теряется безвозвратно, не говоря уже о потерях моральных... Если бы теневой оборот целиком шел на личное потребление всех членов общества, то реальные доходы населения могли бы увеличиться примерно на треть. Или/при ином характере использования/ это позволило бы увеличить размеры капиталовложений нашего государства в полтора-два раза."

- "Контролеры и милиционеры бессильны перед дефицитом. Больше того, чисто административная борьба с экономическими преступлениями становится для общества форменным наказанием, борьба с беззаконием превращается в борьбу с законами рынка. Незавершенка, долгострой, циклопические запасы материальных ценностей - эта идеальная база теневой экономики - не сокращается по приказам, но возникает благодаря им. Директивное распределение ресурсов и кабинетное установление цен гарантируют подпольный обмен и рождают неофициальные цены - с приплатой кирпичом, металлом и строительными услугами. Погоня за плановыми цифрами провоцирует выполнение планов приписками. Ограничение зарплаток сверху стимулирует "левые" заработки внизу. По сути, действующий хозяйственный механизм словно специально создан для поощрения теневой экономики."

Наши заводы обнесены заборами, из которых все равно вынимают доски, и не столько снаружки, сколько изнутри. Заводам требуется не забор, а хозрасчет. Считается, что у нас в экономике действуют уже три модели хозрасчета. С таким же успехом их может быть и тридцать три. За изобилием "моделей" легче скрыть отсутствие настоящего хозяйственного расчета, без которого нет и реальной борьбы с безхозяйственностью. По сути, мы не закрыли пока ни одного из многих тысяч убыточных заводов и колхозов. Между тем за убытками предприятий нередко стоят приказы руководителей... Если рабочий вложит свои деньги в предприятие, он не позволит разворовывать сырье и продукцию.

Контроль рублем - наилучший из известных. Но для этого сам рубль должен быть полновесным, что несовместимо с безудержной денежной эмиссией. Необходим контроль за рублем. Все крупные программы расходов из госбюджета должны гласно обсуждаться. Пока судьба денег зависит от росчерка пера некоего анонима, общество будет недосчитываться крупных сумм, которые теми или иными путями исчезнут в "черных дырах".

Как и сторонники командной системы, экономическое подполье заинтересовано в провале реформы и, видимо, уже прикладывает к этому руку. Некоторые из "необъяснимых" дефицитов последнего времени, возможно, носят мафиозное происхождение. Но реальная опасность тут, пожалуй, в ином. Но реальная опасность тут, пожалуй, в ином. Рост теневой экономики начинает провоцировать усиление административного контроля, толкая нас к традиционной тактике "ограничительства". Экономические инициативы, проявления предприимчивости и самостоятельности попадают под подозрение. При таком развитии событий скорее пострадает сама реформа, чем теневой сектор. Существующий шанс в борьбе с ним - это борьба за то, чтобы реформа не остановилась и стала действительно радикальной.

Я высоко оцениваю эту статью известного советского экономиста А. Бунича. Мне кажется убедительными данные о широчайшем распространении в нашем обществе теневой экономики, ~~попущения~~ оценки подпольного бизнеса в четверть национального дохода страны. Если к нему присоединить легально существующие личные хозяйства, ИТД и новую кооперацию, ~~попущения~~ а из госсектора вычесть явно бесполезную или даже вредную /вроде минводхозовской/ деятельность, то нетрудно понять, что и сегодня госсектор совсем не играет преобладающей роли в экономике народной жизни, что налаживание нормальных отношений с уже существующим в стране бизнесом — одна из коренных проблем общества.

Также я согласен с отрицательными оценками А. Бунича административной борьбы с теневой экономикой, как и с его итоговым призывом к действительно радикальной реформе.

Однако с еще более важным в данной статье я не согласен. Например, с оценкой экон. реформы лишь как "шанса в борьбе с теневым сектором". Или с очевидными домыслами о том, что торговые дефициты последнего времени вызваны "происками мафии", что "экономическое подполье" заинтересовано в провале реформы". На чем, собственно, основаны эти "предположения"? На врожденном мазохизме советских подпольных миллионеров? — Им предлагают создание нормальной экономической системы, где им, бизнесменам, будет создан легальный и весьма почетный статус, согласно заслугам, а они — воротят нос от такой перспективы собственной легализации и вредят, чем могут? ~~Наши подпольщики мафии~~ И как не удивиться, что такие гневные выпады против чернорынчиков исходят от радикального защитника рыночного преобразования нашей экономики. Здесь — какой-то парадокс нашего сознания сродни тому, как в 30-х годах во всех хозяйственных неурядицах искали "вредителей".

Именно в таком ~~широком~~ старинном складе мышления я вижу причину обвинения А. Буничем теневой экономики, как черных дыр нашей экономики, в которых, мол, теряется более трети доходов населения или больше половины государственных капиталовложений. Объясняется же это обвинение так: если зарубежом подпольные бизнесмены вкладывают свои прибыли снова в бизнес, легальный и нелегальный, то у нас они — только пропивают в ресторанах или прячут в землю крупными купюрами.

Мне оно кажется очень странным, ~~иногда~~ даже несуразным. Ведь теневые коммерсанты действовали на основе рыночных законов, пусть иуродованных подпольем, но все же на основе реального спроса от людей и организаций и по ~~экономическим~~ законам рынка, которые так уважает А. Бунич. С точки зрения реальных людей их прибыли гораздо больше заработаны чем у тысяч ~~организаций~~ бюрократических организаций, деятельность которых представляет настоящую черную дыру нашей экономики. /мы говорим здесь в чисто экономическом аспекте, отвлекаясь от предосудительности удовлетворения некоторой части потребностей, как например в алкоголе или наркотиках./

~~Итак~~ Также мне кажется очень странным обвинение наших преследуемых бизнесменов, что они не могут вложить свои прибыли в легальный бизнес — это обвинение не им, а государству и обществу. Но даже если согласиться с отрицательной оценкой траты чернорынчикам своих прибылей на рестораны или скупку крупных денежных купюр, то тут никак эти ~~действия~~ их поступки никак нельзя назвать черной дырой, поглотителем трети народных доходов или половину гос. капиталовложений. Ведь ресторанные пьянки — это мелочь, да и та в конечном счете попадает тому же государству через высокую цену коньяков и водки. А скупка крупных денежных купюр и их припрятывание только выгодна государству, ибо изымает из оборота многие миллионы зря выпущенных в оборот тем же ~~минфином~~ лишних денег, не требуя в ответ ни товаров, ни даже жадких сберегательных 2-3 процентов... В чем же тут траты народного труда? — В печатании излишних купюр? Так разве подпольщики этим занимаюсь? Разве выпуском лишних денег, т.е. фальшивомонетничеством", причем легально, не Минфин занимается? Разве не Госплан СССР выделяет многие миллиарды денег на убыточные и ~~про~~ вредные затеи? Так почему не называть вещи своими именами?

Разбираясь с причинами и следствиями отрицательного отношения общества к черно/и просто/рыночной экономике в период кризиса планово-директивной системы, думаю, небесполезно обратиться к шпанинскому старому самиздатскому прогнозу, сделанному еще в застойном 1979 году.

Извлечения из статьи В. Сокирко "Экономика 1990 г.: что нас ждет и есть ли выход?" /опубликовано в "Свободном моск. журнале" "ПОИСКИ", №8/ 1979г.

- "Простое экстраполирование предсказывает кризисную точку где-то на рубеже 1990г., а с учетом непризнаваемой инфляции - в районе 1984г., понимая под ней начало падения национального дохода на душу населения, т.е. начало абсолютного обнищания населения СССР. Однако, анализ источников роста нац. дохода показывает, что планно снижающаяся кривая темпов роста в ближайшие годы, видимо резко упадет вниз, к отрицательным величинам.

Правда, социальные процессы, хотя и зависят от экономического развития, но обладают собственной инерцией. Конечно, начало абсолютного обнищания большинства людей породит сильнейшее недовольство, однако еще далеко не сразу приведет к взрыву. При прогнозировании последнего необходимо учесть и внешнеполитические обстоятельства, национальные распри и те интрмеры, которые обязательно предпримет власть, чтобы отвести надвигающуюся угрозу. Сейчас можно только продумать логически вероятные сценарии развития кризиса. Наиболее вероятным мне представляется следующий:

1. Руководство страны продолжает нынешнюю "оппортунистическую" политику поддержки внешнего благополучия без радикального изменения курса - вплоть до явного кризиса. Социально-экономические болезни нашего общества будут запущены до неизлечимости. К сожалению, наиболее вероятен именно этот вариант /моя оценка -90%/ как из-за догматических иллюзий руководства, так и из-за развращенности и пассивности низов, включая образованные слои.

2. С момента, когда средняя зарплата людей /реальная/ начнет не расти, а снижаться болезнь вступит в стадию острого протекания, что выразится в <sup>в недовольстве</sup> недовольстве, снижении производительности труда и падении трудовой дисциплины. Поддерживать последнюю руководители смогут кое-как лишь форсированным, фактически бесконтрольным повышением зарплат своих работников, что без товарного обеспечения /а откуда оно?/ приведет к росту инфляции. При сохранении плановой системы, т.е. неизменных в принципе цен на товары, инфляция будет иметь вид растущего дефицита товаров, что будет означать расширение черного рынка, нелегальных обменных операций, спекулятивной прибыли и вынужденно-паразитического потребления чернорыночников.

Таким образом, абсолютное обнищание советских людей будет сопровождаться, как ни парадоксально, сильнейшим обогащением верхних слоев - чернорыночников и номенклатурной элиты, находящейся на спецснабжении. В предверии экономического кризиса усилится классовый раскол в обществе - основа социальной катастрофы.

Этому не мешает даже введение карточной системы, как средства спасения диктатуры в крайних условиях. Здесь оно бесполезно, потому что у потерявшей доверие системы не будет беззаветных защитников, способных эффективно осуществлять карточную систему, сурово нормировать потребление всех людей, начиная с самих себя.

Введение карточной системы в таких условиях приведет, видимо, только к формализму, нелегальному обходу новых запретов, дальнейшему расцвету и усилению черного рынка, на котором будут продаваться не только дефицитные, но попросту ворованные из распределителей продукты.

3. Очень важно, что недовольство народа обрушится в первую очередь на чернорыночников, как на "шпионов новых господ - выскочек /привилегии управляющей элиты для массового сознания более привычны/. Именно чернорыночников будут винить во всех бедах. Будут винить несправедливо, ибо истинная вина лежит на управляющей элите, вцепившейся в свою абсолютную эконом. власть, абсурд "планирования".

Именно этот момент и вскрыется суть нашей официально-плановой

системы, как на деле кентавра - плано-чернорыночного, легально-нелегального. И чем хуже планирование, чем больше его просчеты и диспропорции, тем больше дела для исправляющего их черного рынка, тем больше он жиреет, утилизируя эти диспропорции в потреблении своих клиентов.

Трагедия же в том, что к развалу и агонии ринутся не только плановое хозяйство и корректирующий его черный рынок, но и сама идея рынка - ибо для массового сознания именно черный рынок представится главным виновником краха. У нас нет четкого понимания, даже простого различия между черным рынком, как необходимым дополнением плановой системы - и нормальным рынком, к которому следует перейти нашей экономике, чтобы излечиться от давнишних болезней. Агония народного хозяйства будет сопровождаться ростом ненависти не только к черному рынку, но и неотделимым от него элементам здорового рынка, существующего в нашей стране уже сейчас. Это чревато ростом симпатий к прежнему "крепкому" плановому хозяйству /ведь в экономике приходится выбирать между двумя основными типами организаций - плановым и рыночным/.

Развал планового хозяйства и рост массовых симпатий к нему же - это ли не дьявольская ирония нашей несчастной истории?

А рост народной ненависти к рынку будет только подхлестывать власти в их надежде извернуться, сохранив лозунг "социализма", именно как централизованного планирования - что окончательно доконает экономику... Но что толку видеть этот исторический капкан нашего будущего, раз нет понимания того, как избежать его?

4.... Но даже если катастрофа случится и люди переживут перетасовку власти и разруху, то они сохранят в себе ненависть прежде всего к рыночному беспорядку и мечту о восстановлении крепкого, безрыночного, мол, "порядка", чистой сталинщины. И они осуществят ее...

Мечта о Сталине сегодня - нелепа и утопична, ибо некому ее осуществлять. Зато после катастрофы, в эпоху политического развала, национального разброда, иностранного вмешательства, вооруженных банд и вымирания наиболее гуманных, образованных, совестливых и трудолюбивых людей - в огромном горниле "неестественного отбора" гражданской войны выкуются кадры будущих фанатиков и беззаветных исполнителей: вот тогда Сталин вернется обязательно. Круг замкнется. Достаточно скоро нам придется своей шкурой испытать банальный революционный расклад, много раз повторявшийся в иных "развивающихся" восточных странах. Деспотическая правящая элита в союзе с хищнической копрадорской буржуазией ведут страну к развалу и взрыву, в котором и гибнут, увлекая за собой и ростки еще не развившегося нравственно и экономически здорового рыночного хозяйства /национальной буржуазии/. После всегубительного пожара в стране воссоздастся лишь укрепленный и очищенный от рынка и буржуазии деспотизм /диктатура/ в иных одеждах /и, конечно, тут же заведется новый черный рынок/.

Да, круг замкнется, но через смерть - нашу и наших детей. И когда потомки будут разбирать причины, исследовать возможности иного выхода из нынешней, еще не совсем пропащей ситуации / у меня лично еще есть слабая надежда на мирное проведение коренных реформ / - их поразит нынешняя слепота и потеря чувства опасности - и у верхушки и у всего общества.

Но повторяю: убежден - шансы на спасение есть, хотя и очень малы

"ВЫХОД: ЧЕРЕЗ ВВОД КАРТОЧЕК и ЗОЛОТЫХ ДЕНЕГ - к росту КОНКУРЕНЦИИ"

/ альтернатива нарастанию экономического хаоса /

Ведя разговоры о радикальной реформе, все мы ощущаем тревогу, что на деле ничего кардинально не меняется, что лучше, производительней, полезней, интересней работать мы не стали. Конечно, стало больше разговоров и меньше дисциплины, но трудно от этого ждать хорошее.

Что с нами происходит?

Наиболее распространенный сегодня ответ: мы - в процессе перехода командной экономики к социалистическому рынку. Даже в партии эта точка зрения уже преобладает. Считается, что пик государственного зажима приходился, конечно, на правление Сталина, а после его смерти шел медленный, с временными возвратами, процесс хозяйственного освобождения: и при Хрущеве, и при Брежневе, вплоть до нынешних "радикальных" времен: /совнархозы, реформа Косыгина, самоокупаемость, подряды, кооперативы/. По такому оптимистическому воззрению идет неуклонное складывание "социалистического рынка", т.е. системы управления хозяйством, когда система управления, планирование еще становится все более эффективным из-за ввода элементов рынка.

К сожалению, взгляд пессимиста кажется более обоснованным. Даже все "прогрессивные новации и эксперименты" по этому мнению не выстраивают новую систему рыночного образца, а только усложняют и снижают эффективность, "портят" сталинскую модель хозяйств. управления. Каждый из этих реформаторских шагов не достигал цели, провозглашенный рост хозяйственной свободы тут же уравнивался контролем все новых и новых бюрократических структур и вовлечением в разработку все большего количества природных ресурсов для прокормления.

Время же после 1985 года с точки зрения пессимиста отличается лишь ускоренным характером процесса разложения, когда бюрократия не успевает контролировать все более новые "освобождения" и пользуясь образной оценкой О. Лацица - "экономика из плавного падения перешла в штопор".

Вывести ее из "штопора" может только коренное изменение общего стиля проводимых до сих пор "совершенствований".

2.

Существует мнение, что переход от планово-командной экономики к рыночной невозможен /трудно исполним/, потому что любое сочетание их только портит, снижает эффективность /см. например, статью Попковой в "Новом мире", №5, 1987/.

И действительно: радикальное, мгновенное изменение системы невозможно хотя бы из-за инерционности большинства экономических процессов. Нельзя мгновенно превратить командиров-директоров - в западных бизнесменов, разболтанных и пьяных индустриальных бичей и химиков - в трезвых и исполнительных наемных работников, колхозников - в фермеров и т.п. "а такие" переделки" уходят порой поколения. Да и мировой опыт уже не раз показывал, что попытки мгновенного изменения неэффективной экономики путем раскрытия ее перед западным опытом и заимствованиями - как правило, кончается разорением безработицей и социальной апатией.

С другой стороны, попытка быстрого самореформирования, освобождения предприятий от госконтроля должна логично привести к своевольному подьему цен. Не встречая конкуренции эти государственные монополисты в пределах могут назначить на свою продукцию высокую /взрывную/ высокую цену, а размер производства и качество ее свести едва ли не к нулю. Признаки такого поведения наших "полуосвобожденных" госпредприятий были заметны уже в прошлом году и понятно, что развитие такое может привести к полному экономическому параличу. Сама жизнь потребует от нашего руководства вернуться вновь к ценовому, а следовательно, и плановому зажиму, т.е. свертывания следующих шагов "освободительных" шагов, чтобы приостановить рост инфляции, скольжение страны к революции и разрухе.

Но даже если и решиться через беду революционного разлома, но совершить чаемый переход к свободной экономике - то не получится тем более. После революции восстановление разоренной страны идет, как правило, не по новым, а по проторенным путям командной экономики. Та-



Такое мы уже испытывали после великой революции, когда "порядок" в стране был восстановлен сталинским самодержавием и его "вторым крепостным правом".

Положение кажется безнадежным и я тоже не знал бы выхода, был бы пессимистом, если бы согласился "одноукладным" видением нашей прошлой, настоящей и будущей экономики. И уверен: если ограничить предмет дискуссии только рассуждениями о способах перехода от комендантской экономики к рыночной, то мы не увидим настоящий выход.

Но в том-то и дело, что наша экономика всегда была, есть и будет -многоукладной, командной и рыночной одновременно. И ничего нельзя понять, если это свойство многоукладности не взять в основу рассмотрения всей проблемы.

3.

Даже в самые мрачные годы тотального сталинского зажима, экономика была не только государственно-колхозной, т.е. плано-командной. Огромное значение для прокормления сельских, да и городских жителей имели их натуральные приусадебные участки. Весомой реальностью наряду с госсектором/включая колхозы/ был натуральный иппан уклад.

В эти же годы никогда не замирал так называемый колхозный рынок с вольными ценами вкупе с различными на нем кустарями. Значит, никогда не переводился и мелкотоварный уклад хозяйства. Оба эти негосударственных уклада были основой существования, может, большей части народа и потому даже Сталин не смог с ними ничего поделать: как ни давил и ни уродовалих, а вынужден был терпеть, чтобы народ не перемер окончательно. Так что утверждение о полном огосударствлении народного хозяйства при Сталине - миф.

И тогда существовали секторы рыночной экономики. Тем более существуют они и сейчас, будут существовать и в будущем. Задача состоит не в переходе одного хозяйственного уклада в другой, а прежде всего в прекращении мер давления на негосударственные секторы, чтобы они заняли в жизни людей наиболее естественное, оптимальное положение.

Но этого мало. При Сталине реально существовали и скрываемые, как бы нелегальные хозяйственные уклады. Один из них - лагерный, на деле рабский хозяйственный уклад, существующий, кстати, к нашему позору до сих пор. Вот этот "уклад" и впрямь должен исчезнуть и чем скорее это произойдет, тем быстрее мы получим право причислять себя к числу цивилизованных свободных народов. Здесь, наверное, не нужны споры.

Главная же проблема, вызывающая споры до сих пор: об отношении к загнанному в подполье крупнотоварному рыночному укладу, который в подпольном таком виде существовал все последние 60 лет. Даже при Сталине, но особенно расцвел при Брежневе под разными названиями: - "теневая экономика", "черный рынок", "цеховики" и т.д. и через корумпированную партийно-государственную верхушку - мафию едва ли не овладел полнотой власти в стране.

Понятно отвращение общества к нелегальной власти и тем более, к нелегальному богатству, но призывая же все-таки разбираться, кто виноват в такой нелегальности, А призывая к переходу существующего госсектора на рыночные рельсы совершенно необходимо разобратся, в какой мере он является на деле государственным, и в какой - чернорыночным. Вопрос нелегкий, даже запутанный и я могу высказать лишь свои предположения. Нет ни одного госпредприятия, которое бы могло успешно функционировать без нарушения тех или иных законов, инструкций, планов, расплачиваясь неуставными, фактически нелегальными услугами - и все это можно отнести к сфере извращенного, черного "рынка услуг".

Ни одно предприятие не обходится без так называемых снабженческих "махинаций" и это тоже, конечно, "теневая экономика". Когда хозяйственники решаются на скрытое производство /дополнительное к плану/, эти "цеховики" становятся настоящими частными предпринимателями, но к сожалению, подпольными. ~~Вся подпольная экономика~~

Вся наша экономическая история показывает, что плано-командная экономика на делене может существовать без рыночной экономики - без зарубежной - и своей внутренней, пусть и объявив ее вне закона. Поэтому задача состоит не в переделке госсектора, а только в признании реальной двуукладности нынешнего госсектора, выделения из него чернорыночного уклада и на базе его признания и примирения с последующим оздоровлением отношений обоих укладов.

Именно здесь -ключевой вопрос экономической реформы.

Как известно, главная причина высокой эффективности рыночной экономики - в нестесненности действия конкуренции самых разных производителей. Математическим идеалом народного хозяйства, оптимумом считается рынок совершенной конкуренции /по некоторым представлениям имеется и приближение к нему составляет материальную базу коммунизма/. Смогут ли наше общество создать необходимые условия для возникновения и расцвета, роста этой конкуренции - реформа, а вместе с ней и страна - победят! Но для этого все наши руководители должны неустанно повторять себе позднее-ленинское: "Не смей командовать!"

В переводе на язык сегодняшних проблем эту максиму надо понимать как настоятельное пожелание признать рыночную реальность, перестав с ней "бороться" репрессиями. В какой-то мере шаг к такому признанию сделан законом о кооперации - но половинчатое не с того конца и потому неуспешно.

Хотя это может быть принято за парадокс, но прежде всего необходимо признать право на существование в будущей свободной рыночной экономике и упорядоченного, ограниченного государственного/казенного/ сектора. Если мы сейчас пойдем по предлагаемому "рыночными прогрессистами" пути перевода на рыночные рельсы всех существующих госпредприятий, то они прямым ходом перейдут в весьма знакомый им ряд чернорыночных монополистов /может, для большинства это будет только легализация их существующего, но пока скрытого подпольного теневого бизнеса/ - но уже не частью своих производственных мощностей, а полностью. После такого "освобождения" госпредприятия не сдерживаемые плановыми поставками по твердым ценам госценам, предприятия-монополисты смогут совсем распоясаться в своем монополистическом диктате над потребителями.

И потому, чтобы такого разбоя не случилось, при переходе госпредприятий на рыночную деятельность необходимо не снимать с них и государственных твердых поставок продукции по твердым ценам. - не как выгодный госзаказ, а как обязательный, твердо ограниченный натуральный налог /примерно так, как в начале НЭПа на крестьян был определен не денежный, а натуральный налог/. Размеры такого налога-поставок, конечно, не должны занимать большую часть мощностей предприятия, но они должны дать государству страховой объем продукции, распределив который по фондам-карточкам, можно будет выжить в любых условиях, даже в условиях первоначально диких, условиях монополистического "рынка" недавних монополистов. Только обеспеченный госпоставками хотя бы по минимуму жизни - потребители смогут получить на этом рынке хоть какую-то независимость и вызвать конкуренцию между производителями хотя бы потенциальной возможностью отказаться от их услуг.

Но повторяю: для этого надо прежде всего не сворачивать надо госсектор, а ограничив - упорядочить и укрепить.

Как мне это видится?

1/ Прежде всего необходимо раз и навсегда отказаться от составления общих и пустопорожних планов развития по всему народному хозяйству, заменив их план ограниченными и потому твердыми планами госпоставок, казенного сектора. Хотя на Западе и принимаются пятилетние планы, но всем заранее понятно, что это только пронозы, ибо на предприятия там можно только влиять, но никак не командовать. У нас же даже объявление традиционных планов прогнозами только традиционными "желательными" контрольными цифрами" ведет по привычке к разверстке общих цифр и давлению на производителей. Чтобы избавиться от этой дурной привычки и ограничить самих себя, руководство страной должно отменить все предстоящие пятилетние планы и резко сократить плановые органы, поставив перед ними весьма ограниченную и понятную задачу: выработать на пяти-десятилетний переходный период план обязательных обязательных планов натуральных госпоставок.

2/ Как следует планировать эти чрезвычайные, переходные поставки?

- Исходя из конечных и твердо очерченных потребностей, как это принято во всех учебниках планирования!

Я бы принял за основу нынешний уровень потребления продуктов

по госценам, включая ~~крайне~~ ограниченный ~~ассортимент~~ дефицитных промтоваров, но дифференцировал бы его по конкретным потребителям с помощью твердых норм-карточек. Таким образом государство гарантировало бы советским людям нынешний уровень потребления основных продуктов по нынешним же ценам, при этом - строго упорядочив его с помощью карточного распределения.

Ввиду важности для народа размеров этого гарантированного карточного распределения по дешевым госценам и на длительный срок, я бы предложил его обсуждение и принятие высшим органом страны - демократически избранным Верховным Советом. При этом, конечно, должны будут разрешены, наконец, все вопросы о привилегированных спеппайках - справедливость требует их уравнивания с пайками остальных советских людей. А с другой стороны, видимо будут сохранены и определенные различия: например, повышенные пайки для работников Севера, тяжелых профессий, возможно, будет учтен и традиционно высокий уровень потребления столичных городов/хотя это и противоречит простому чувству справедливости. Но, повторяю - ~~вашишишиши~~ вопросы справедливости обязательного снабжения населения дешевыми госпродуктами должны заняться народные депутаты.

Мне кажется, что такая деятельность народных депутатов была бы естественным развитием программы Б. Н. Ельцина.

3/ К определенным ~~оному~~ таким образом, ~~размеру~~ госпоставок основных продуктов ~~надо~~ добавить ~~необходимыми~~ потребности армии и необходимых государственных программ - школ, больниц, строительства дорог, жилья для многосемейных и др. ~~Ирришшишишишишиши~~ Сюда же надо добавить потребности в машинах и сырье госпредприятий, при выполнении ими обязательных госпоставок продуктов питания и ширпотреба - их надо разрешать по предприятиям также по твердым ценам. Таким образом и определится твердый план обязательных госпоставок по народному хозяйству. Чтобы он был неизменным по годам и в тоже время стыковался с ~~изменяющимися~~ потребностями населения - например, из-за прироста населения, стихийных бедствий и т.п. у государства должны быть средства для закупок необходимой ему продукции сверх твердых госпоставок - уже с вольного рынка по рыночным же ценам, внутренним или мировым.

Размер госпоставок с предприятий должен быть твердо определенным. ~~Никаких~~ Никаких сверхплановых сдач, ~~шиш~~ по госценам - только через рынок, чтобы у предприятий не было соблазна пользоваться лишними госдотациями. С другой стороны, если предприятие не выполняет госпоставок, оно объявляется банкротом, расформировывается, а объем поставок с него государство докупает на вольном рынке.

4/ Карточное распределение, ~~нишшиши~~ принадлежит к числу крайне непопулярных предложений, особенно в среде столичных городов которые пользуются в реальности повышенными нормами питания за счет ~~нишшишиши~~ остальных жителей страны. Однако, надо понимать, что ~~ирришшишишишиши~~ карточное, галонное распределение уже существует в стране, и даже в столицах, что речь идет не столько о ~~его~~ введении сколько о его упорядочении под контролем народных депутатов.

также надо понимать, что принятые карточные нормы потребления ~~нишшишиши~~ всем не ~~нишшишиши~~ ограничат общий объем народного потребления, а только стимулируют развитие рынка и рыночного потребления. Что только введя твердые карточки мы сможем не отказываясь от дешевизны государственных продуктов, ~~нишшишишиши~~ избавиться, наконец, от дефицитов, найти средства борьбы со свалками и перепродажами в очередях, обрести, наконец человеческое достоинство. Каждый гражданин будет наконец знать, что в гоусуд. магазине он должен получить причитающиеся ему продукты по госцене, ~~нишшиши~~ /в размере нынешнего среднего потребления/ , а ~~за~~ остальным - обращаться на свободный рынок.

5/ Введение нового плана натуральных госпоставок наряду с определенными ставками государственного денежного налога должны освободить предприятия от всех остальных форм внешнего вмешательства в его дела. За пределами поставок-налога, предприятие должно быть свободно и кормиться за счет работы на рынок, на потребителя. Но для этого совершенно необходимо введение нормальных, твердых денег.

Думается, у нас нереально обойтись только требованием контроля Верховного Совета над денежной эмиссией - ни в расстроенном хозяйстве и с давними привычками к государственному фальшивомонетству совершенно необходим давно известный жесткий шаг и объективный контроль гарантии золотого содержания в рубле - как это было сделано в начале НЭПа при Ленине. Конвертируемая, золотая валюта должна быть введена сразу, с 1990 года, ибо только на ее основе можно развивать нормальный, здоровый, независимый от государственной причуд рынок. Развивать нормальную экономическую жизнь, конкуренцию. Ввод твердых карточек неразрывно связан с вводом твердых, золотых денег.

67 В процессе развития у предприятий, получивших успех на рынке может возникнуть нужда в собственной реконструкции и перепрофилировании и они должны иметь право это делать при условии выпонении ими натуральных госпоставок с помощью закупки их с вольного рынка - и передаче государству.

Конечно, если эконом. реформа будет успешно развиваться и пророчно окрепнет рынок, а с ним и рыночное снабжение населения по сравнительно доступным вольным ценам, то народ в лице своих депутатов может поставить вопрос о досрочной ~~или~~ замене системы обязательных натуральных поставок и карточного распределения продуктов - обычными денежными налогами на прибыли предприятий и государственной помощью для малообеспеченных, многодетных, безработных и т.д. и т.п.. И я буду ~~принимать~~ тогда среди тех, кто больше всего радуется отмене таких чрезвычайных переходных мер, ибо их отмена будет означать победу нормальной экономики, победу вольной свободы.

А пока же нельзя питать иллюзий, ограничиваться лишь потребительскими криками: "Дашь западный уровень потребления!" без смысла и понимания, кто это может дать. Сегодня нам следует упорядочить свое потребление и прежде всего потребовать нормальных, свободных условий для работы. Вот и все.

Также мы должны понимать, что различие национальных традиций производства определяет и различия в положении госсектора разных стран даже рыночного типа. Если в США он сведен к минимуму, то во Франции занимает до 30%, довольно силен он в ФРГ или Англии. Значит в условиях рынка он оказывается достаточно конкурентоспособным и эффективным. Можно быть уверенным, что в России, с ее вековыми привычками казенной работы, популярность и эффективность нормально организованного госсектора будет еще выше, что окончание эконом. реформы совсем не означает конец госсектора. И в социалистической экономике рыночного типа многоукладность сохранится в качестве естественно присущей ей черты. И в этом смысле эффективно работающих госсектор со своим своим натуральным планированием должен быть реабилитирован в глазах ученых-экономистов, которые ныне во многом влияют на экономическую стратегию руководства.

Но в еще больше степени все общество должно реабилитировать и добиться реального освобождения ныне существующего подпольного бизнеса, переводя его на рельсы бизнеса легального, уважаемого. Совершенно необходимо кардинальный пересмотр существующего уголовного законодательства в части изъятия из него всех статей, подавляющих конкуренцию и свободное предпринимательство, ни нужна защита его от монополий и государственного вмешательства, возможно введением антимонополистического законодательства, а в качестве первой и самой неотложной меры - амнистии и реабилитации всех несправедливо осужденных хозяйственников, организации движений в защиту их.

23.02.1989 г.

В. Сокирко

" О РАЗЛИЧИЯХ НОВЫХ КООПЕРАТИВОВ "

Тема моего выступления: кооперативы, государство и народные движения. По приглашению президента Межрегиональной кооперативной федерации/МКФ/ В. Чисигина я был на ее конференции в Набережных Челнах и сейчас попробую уложить уловленное разнообразие их мнений в 4 основных типа, взяв за основу классификации нервиший узел многих наших дискуссий: отношение кооператоров к ценам на свою продукцию и услуги. Но рассмотрим их по порядку:

1. Первый тип кооператоров, условно назовем их москвичи, наиболее последовательно отрицают необходимость придерживаться в реализации государственных цен и последовательно отстаивают свободу рыночных цен уже сегодня, что кажется с первого взгляда верным. Вот нестрогий пересказ мысли кооператора из Москвы:

"Кооператоры работают на рыночных условиях и потому цены на их продукцию неизбежно устанавливаются на высоком уровне рыночного равновесия. В условиях дефицита безнадежно требовать низких цен и высокого качества предлагаемых кооператорами товаров и услуг: раз потребитель берет все, что предлагается..."

Прервем цитату и вспомним: мы живем в обществе, где пока господствует рощая планово-директивная система, где конкуренции почти нет и потому равновесные цены на дефицитные товары-услуги неотличимы практически от монопольных цен нерного рынка, ныне легализованного частично под именем кооперативного. Но ведь известно, что черный рынок кардинально отличен от нормального, что он служит лишь дополнением к госсектору, средством выкачивания монопольной прибыли под видом якобы свободной рыночной торговли. Ссылки на теорию рынка, когда рынка на деле нет, просто некорректны. Такие ссылки-фразы реально нацеливают кооператоров не на конкуренцию и наращивание производства, а скорей на сохранение дефицита, при котором можно без больших трудов получать большие доходы. Но продолжим цитату:

"Государство породило кооперативы и потому противопоставлять их государству - абсурд. Сегодня кооперативы производят менее 1% оборота страны, большой роли не играют, авторитета не имеют и потому нет никаких оснований для создания политической организации... 85% населения против кооператоров, так о чем же вы разговариваете? Лучше добиваться небольших, но реальных успехов... Вот в Венгрии кооператоры делают 15% оборота и то не имеют ни одного депутата."

Надо признать, что такие призывы к умеренности вызвали у слушателей в Челнах немалое раздражение, в том числе и у меня.

10 лет назад, ведя дискуссию в самиздатских сборниках "В защиту экономических свобод", я брал под защиту чернорыночников, как преследуемых людей, деятельность которых на деле необходима плановому обществу, делала нашу жизнь возможной. Сегодня, когда они большей частью легализованы, и применительно именно к этой защищенной части, я, не отступая от прежней позитивной оценки, должен подчеркнуть и консервативную роль этих якобы рыночников: они дополняют госмонополии и заинтересованы в их сохранении. Как в средневековье ростовщики были заинтересованы в сохранении феодальных отношений, или как новейшие компраторы заинтересованы в диктате многостранных монополий. Отсюда и их склонность к приспособлению, союзу с бюрократией. А с нарождающимися народными движениями, к сожалению, их ждет, видимо, конфронтация, непонимание.

2. Вторая группа кооператоров на конференции была представлена хозяевами-членами самой МКФ, созданной в Набережных Челнах с помощью политклуба им. Бухарина. Поэтому я называю их челнинцами или "политиками-коммерсантами".

От столичных кооператоров их выгодно отличает не только более решительная критика бюрократии, но и иное отношение к ценам. Они тоже назначают высокие цены на свою продукцию, но делают это вынужденно, а не идейно. Вот, к примеру слова кооператора из Ленинграда:

"Надо объяснять людям причины высоких цен кооперации: высокие госцены на сырье-оборудование без обычных оптовых скидок, - и высокие отчисления и поборы".

Еще ярче высказался т. Анушко из Челнов: "Летом прошлого года бюрократия уступила нам в вопросе о налогах. Зато теперь отыгрывается в ценах на оборудование, которое продается кооператорам в 5-10 раз дороже, чем госпредприятиям. Пока здесь не будет равенства, кооперация останется прихвостнием у гос. сектора". Я согласен с ним. Но это неприятное определение относится и ко второму типу кооператоров - челнинцам". Раз они соглашались через высокие цены изымать деньги у населения, чтобы ими платить бюрократии, то роль их не только неблагодарно, но и опасна для перестройки.

Ведь в глазах людей кооператоры сегодня выглядят плавными выжигами и потому на них падает то недовольство 85% населения, о чем уже говорили выше. Роль господборов оно не видит, а виновной оказывается сама идея свободы рыночных цен, экономическая перестройка. И чем больше мы будем при этом взывать к полезности рыночных законов и свобод, тем больше люди будут принимать эти призывы за обман, тем хуже будет их отношение к кооператорам и сильнее будет тяга к реставрации старой системы госуд. запретов. Не осознав вредности либерально-рыночной фразы у тех, кто по желанию или вынужденно, но согласился стать денежным насосом для бюрократии, я убежден - мы загубим перестройку.

Но положительное значение челнинцев я ставлю много выше москвичей. Приспосабливаясь экономически, они хотя бы политически борются с госмонополиями, воюют за равенство, за честную конкуренцию с госсектором.

Политическая активность челнинцев развивается по 2-м направлениям. I/ "Агитация в народе": "Мол, нас часто не уважают за высокие цены, зн., надо объяснять людям, идти в кино, в театры. Подаривать филантропией типа бесплатной стальной или лотереей милосердия"...

Мне лично все это не очень нравится. Думаю, что такие агитация-филантропия способны лишь углубить основное противоречие: монопольно изымать деньги у народа, а потом тратить их частью на самооправдание. Вряд ли такие действия встретят поддержку и народных движений.

С людьми гораздо вернее объясняться через настоящие потребительские общества. Ни Госкомцен, ни Госкомстандрат, а сами потребители, их представители должны контролировать качество товаров и согласовывать цены - с одной стороны доступные, а с другой - не приводящие к исчезновению товаров. Только такое взаимопонимание и может оправдать коммерцию челнинцев.

2/-Обращения к верхам, привлечение журналистов и ученых, мечты о своих депутатах и даже о платных от кооперации - советниках у Горбачева и Рыжкова, чтобы те добивались равенства кооператоров с госсектором, общественного контроля над выпуском денег и взиманием налогов для защиты прав и безопасности кооператоров. Успех этой политики зависит от своей интеллигенции, от ее чуткости и понятливости, если, конечно, не станет вновь проявлять своей злосчастной способности к сочинению очередных ученых утопий и бюрократических структур.

3. Третья и на сегодня, пожалуй, самая многочисленная группа была представлена такими мощными объединениями, как киевская и, особенно, Челябинская кооперативная ассоциация /1500 членов/

Проблемы цен для "челябинцев" как бы нет. Ведь работают они в основном внутри госсектора. Забирая в аренду убыточные цеха и даже предприятия, повышая производительность и организацию труда, они работают, конечно по госценам и на свою продукцию и на сырье-оборудование. Это сразу отсекает соблазн быть челночным насосом госмонополий. Однако положительная роль челябинцев во многом обеспечивается тем, что работают они не на потребительский рынок, а на план, на бюрократическую систему. Представьте себе, что подразделения Минводхоза преобразуются в кооперативы и с еще большим рвением начинают рыть каналы и губить природу. Кого станут винить? -К нашему счастью, Минводхоз, хотя по совести следует винить и исполнителей-кооператоров: зачем берутся за ненужное и даже вредное людям дело?

В развороте дел "челябинцев" есть и немалая опасность: усиливая деятельность отдельных госпредприятий, они чаще всего умножают наш общехозяйственный развал, усиливают поток неоплаченных потребителями денег, что на мой взгляд, и происходило в минувшем году.

Поэтому общеэкономические преобразования должны обгонять рост кооперативов челябинского типа, чтобы развалили они прямо на людей,

4. И наконец, четвертую точку зрения ярко выразил на конференции представитель 200 кооперативов Ярославля: "Наш основной принцип: продавать только по гос. ценам и этим завоевывать доверие населения, сплоченность с народом, овладеть рынком товаров" В его поддержку раздавались и другие голоса: "Мы работаем для народа и на его деньги. Народ поверит нам, если мы будем работать по госуд. ценам. Мы и сами против торгашей."

Правда, голосов этих было немного, но ведь и на конференцию приехали представители только 10% кооперативов страны. Возможно, что это были голоса как раз неприехавших маломощных трудовых кооперативов.

На первый взгляд ярославский принцип выглядит ретроградно, антирыночно, но на деле, думаю, именно он направляет усилия кооператоров по пути экономической конкуренции с госпредприятиями, там, где это возможно, делает их нравственными и динамичными творцами перестройки уже сейчас. ПОЧЕМУ? — Во-первых, потому что ярославцы работают прямо на рынок, т.е. в нужных народу делах,

Во-вторых, они работают по приемлемым народу ценам и одобряются им, В-третьих, отказываясь от монополюльно высоких цен, они реально отказываются содержать бюрократия, поддерживать ее монополию.

Все ранее перечисленные соблазны и опасности в отношениях с государством ярославцы отвергают твердым самоограничением: "Работать надо для народа и по приемлемым для него ценам!" Конечно, дадеко не везде это возможно и потому нам следует рассудить, правильно ли ярославцы делают, отказываясь/"бастуя"/ от бизнеса в таких отраслях хозяйства, где еще нет для них равенства с госсектором. Я лично склонен согласиться с ними. Якобы пассивная позиция ярославцев на деле действительна. Во всяком случае, вся нынешняя перестройка страны вызвана не столько нашими диссидентскими воззваниями и протестами, сколько растущим неучастием народа в командной экономике и близящейся от того катастрофой.

Как я понял, взгляды ярославцев далеки от столичного наукоподобного лоска, говорят они открыто и деловито, они критичны к проектам политиков и коопер. организаторов, прижимисты в деньгах. Деловитость и экономность представляются мне привлекательными чертами этих народных и по-коммунистически аскетичных кооперативов, ценящих каждую народную копейку.

Важно, что именно такие, одобряемые народом кооперативы крепче всего могут быть связаны с народными движениями в российских областях и национальных республиках, смогут быть их экономической базой. Недаром в стране уже известен массовостью и успешностью действий Народный фронт Ярославля. Не склонны они бороться и за особых депутатов от всесоюзной кооперации, Депутаты и наказы областных движений им гораздо ближе. Это очень хорошо. Ведь кардинальный вопрос перестройки: консолидация народных движений по областям, по регионам. В национальных республиках соединение таких движений с кооперативными ассоциациями происходит естественно, а вот для огромной России об этом пока можно лишь мечтать.

Однако опыт Ярославля обнадеживает. Думается, именно на соединении кооперативов ярославского типа с местными экологическим, правозащитными и иными обществами возникнут сильные областные и республиканские народные фронты, как истинное основание для широкого областного самосознания и действий, для пробуждения и самоорганизации не имперско-сталинской, а действительно свободной и федеративной России, истинно ленинского, т.е. свободного Советского Союза.

В заключение хочу подчеркнуть еще раз свое общее положительное отношение ко всем типам кооператоров. Не сомневаюсь, что общество должно поддерживать и защищать всю кооперацию в целом, как людей лично свободного труда и жизни — но конечно, и не закрывать глаза на существенные их различия, не избавлять их от здоровой критики.

И еще. Прошу прощения за, возможно, особую критичность к "столичным рыночникам" — на правах давнего столичного жителя и давнего защитника рыночных идеалов.

4.02.1989 г.